

Предыдущий

После того, что казалось вечностью, Эд был встречен еще одним моментом. Этот период был таким же мучительным и долгим, как и предыдущий. Гораздо дольше, чем его жизнь и намного дольше, чем любая вечная история.

Затем звуки грохота и ряблящих волн щекотали его уши. Птичье щебетание тоже.

«Этот чертов летающий зверь появится всякий раз, когда захочет, и побеспокоит мои уши... Хотя, скорее всего, это просто мои галлюцинации...»

Точно так же перед его глазами временами мелькал ярко освещенный остров. Эд в конце концов понял, что такие галлюцинации могут указывать на то, что его мозг, наконец, сходит с ума. Кроме того, его симптомы только ухудшались с течением времени. Из них внезапный запах фруктов был самым трудным для сопротивления. Откуда-то исходил сладкий запах, стимулируя его обоняние. Однако чем больше он нюхал его, тем суше становился его испачканный солью рот, и его голодный желудок голодал в агонии.

«Я могу только представить, как захватывающе будет укусить один из этих ярко-желтых фруктов и попробовать их сладкий нектар... Эта иллюзия неописуемо заманчива, но я должен сопротивляться желанию плавать. Я знаю, что когда я преследую эту иллюзию и начинаю пинать ноги и размахивать руками, я окажусь в аду в кратчайшие сроки. Тем не менее, я все еще чувствую желание в моих ногах, говорящее мне добраться туда... Когда на самом деле мои ноги, вероятно, не более чем куски гниющего мяса... Черт возьми».

Эд старался не думать о своих ногах слишком много, так как такие мысли не помогли бы ему в его выживании. Но он не мог отрицать, что беспокоится о них уже довольно давно.

«Останется ли кровь после того, как мои раненые ноги были погружены в море в течение нескольких часов? Кровотечение из открытых ран, должно быть, продолжалось... Даже в этот момент... Или, может быть, они уже отвалились... и рой рыб, пахнущий кровью, прямо сейчас устраивает пир».

Чем больше он думал об этом, тем незнакомца начинали чувствовать его ноги. Он не был уверен, были ли они все еще привязаны к нему, так как даже тупая боль исчезла. Со временем Эд забыл, как их перемещать. Если быть точным, то же самое было для его рук, туловища и головы...

«Кажется, у меня нет причин так продолжать...»

Когда эта мысль пришла ему в голову, последний кусочек силы медленно исчез из его тела.словно будучи затянутым в неизвестное отверстие, его бездушное тело провисало все дальше и дальше вниз. Как будто она ждала его, черная бездна широко раскрыла челюсть вокруг его ног. Эд постепенно опустился, и тень бездны добралась до его лба. Однако в тот момент, когда он собирался проглотить его голову, ярко сияющая прямая линия провела горизонтально над

темной.

Стартовые сумерки на горизонте распространились в его затемненное поле зрения. Пронизывающая энергия ласкала его веки слабо и слаще, чем все галлюцинации, которые у него были раньше.

Эд томно открыл глаза, точно так же, как и при пробуждении от глубокого сна. Лучи света пронзили его красные глаза, как кончик острого ножа, и ослепили его. Озадаченный, Эд в одно мгновение открыл глаза. Это было настолько ярко, что он почти не мог в это поверить. Свет, который горел ярче и ярче, чем любой другой восход солнца, который он когда-либо видел, зажег огонь, который, казалось, пронзил его сетчатку. Эд был уверен, что на этот раз сцена перед ним не была иллюзией, и он бесстрашно столкнулся с жгучей болью.

Свет, который, казалось, обнимал жизнь, медленно отодвигал ночь назад своим ярко окрашенным красным свечением и оставлял только след облаков позади. Когда восход солнца орудовал своей кистью над небом, Эд был встречен экстазом песчаных дюн, стволов деревьев и пальм, колышущихся на ветру. Стая птиц взлетела и взмахнула крыльями на глазах у Эда.

Эмоция приветствия жизни наполнила его усталые глаза слезами.

«Это свет, который положил конец моему аду... Я никогда не могу не быть в восторге от этого, даже если это ослепляет меня...»

Цезарь уставился на полусмятую бумагу. Это была записка размером с ладонь без надписи. Но, несмотря на это, это вызвало у него отвращение, как будто в нем содержались самые грязные чернила в мире. Сезар вымыл лицо насухо без сознания. Он делает это с тех пор, как несколько часов назад, и покраснение от трения явно начало проявляться. Его волосы тоже были беспорядочными, что было необычно для него, но он не удосужился это исправить.

Он долго спорил о том, стоит ли писать на нем что-то.

«Какое жалкое время...»

Он задавался вопросом, будет ли Лил когда-нибудь сомневаться в нем или захочет сама подтвердить содержание. Это было время беззакония, когда он изо всех сил пытался получить неоспоримые доказательства.

В разгар этой борьбы Сезар был поражен ужасным осознанием. Он знал лучше, чем кто-либо, что он не может убедить Лил исключительно на основе обстоятельств или чувств.

«Лилоа никогда не могла быть уговорена ртами, которые требовали невиновности, извергали

признания или искажали правду. Она твердо верила в доказательства, которые остались после совершения преступления. Если бы она не могла найти его на первый взгляд, она бы потратила время на его получение... Вот почему мне нужен этот досадный лист бумаги, чтобы убедить Лилоа в проступках Эдгара. К сожалению, в данном случае не было никаких других осязаемых доказательств любого рода, поэтому у меня не было другого выбора, кроме как сфабриковать их... Конечно, если бы у меня было больше времени, я бы не занимался такими позорными и импульсивными манипуляциями... И мне не пришлось бы жить с такой виной... Но где-то в конце концов отношение Лилои к Эдгару явно изменилось. Я не уверен, имею ли я право ревновать или это просто мое заблуждение, но хитрые трюки Эдгара начали работать в какой-то момент».

За это время Сезар все больше и больше нервничал и хотел как можно скорее удалить Эда из Колокольной скалы. Так, штурман попытался снова заставить Лил подозревать Эда в надежде, что она сама его изгонит. Тем не менее, оказалось трудно прикоснуться к Эду, не сказав лжи.

«Более того, я обманул ее первой. Я никогда не говорил ей, что доктор на самом деле адмирал Ретиро, хотя я узнал его во время нашей первой встречи... И теперь, я, вероятно, не могу сказать ей до того дня, когда я умру... Потому что Лилоя спросит, почему. Почему я остался в стороне, когда знал, какой мусор мы привезли на борт. Этой неприятной ситуации не было бы, если бы я рассказал ей об Эдгаре с того момента, как мы встретились с ним в особняке графа Амизна... Говорить, что он меня запугал, было бы бесполезно. Кроме того, рассказывая ей; «Я боялся, что ты уйдешь» никогда не будет принято, так как это такое трусливое оправдание. Кроме того, я все равно не смог бы вынести этого унижения...»

Поскольку Сезар не мог признаться, ему пришлось биться вокруг куста и придумывать тонкие списки, чтобы поймать Эда в ловушку. Однако этот прогресс был мучительно медленным. В конце концов, он уговорил Куранта стать свидетелем преступлений Эда, но, к сожалению для Сезара, это тоже не удалось.

«Но потом наступила та ночь, менее чем через день, когда я проснулся рядом с этим пустым пространством... Я даже не могла чувствовать температуру тела Лилои больше. Ее нигде не было, и я не чувствовал ее...»

Лила не было ни на палубе, ни на корме, ни в доках. Цезарь долго стоял в тишине сырого дока, самого низкого отсека корабля. Он ждал, когда она вернется, даже повернувшись к пустоте без стены, и умолял человека, который никогда не появлялся, встретиться со мной там. Только после того, как Сезар напугал проходящего часового, совершая свои обычные обходы фонарем, он пришел мне в себя. Совершенно не подозревая, как долго он там стоял...

-----взгляд в прошлое-----

«Возможно, мы просто скучали друг по другу. Возможно, она уже вернулась в кабинет капитана, когда я был здесь, чтобы найти ее. Я не уверен, почему я не подумал об этом раньше...»

С причала его ноги, естественно, начали вести его в конец палубы каюты. Но на полпути Сезар остановился и задумался.

«Что заставляет его казаться таким естественным? Как будто я убежден, что Лилоа не может быть иначе, чем в комнате капитана...»

С этим Сезар восстановил свои шаги.

Было ощущение, что он долго шел, несмотря на небольшое расстояние. Когда он приблизился к концу, он в конце концов поднял глаза. Настенный фонарь отражался на знакомой красноватой деревянной двери капитанских покоев. Однако для Сезара пространство за переборкой казалось более чуждым, чем когда-либо. Он шел по этому пути десятки раз и встречался с ней в таком виде еще чаще. Тем не менее, мысль о встрече с Лилом в том инородном теле, которому не место в этом мире, наполнила его грудь дискомфортом. Чувствуя себя странно, Сезар остановился.

«Я не старался изо всех сил преследовать незнакомца, такого как Лил Швейц... Я тоскую по оригинальной Лилое...»

Тот факт, что ее нигде не было в кабинете капитана, загнал сложенные мысли Сезара прямо над обрывом.

'... Они, вероятно, сейчас друг у друга, кожа к коже... В эту глубокую ночь... в адмиральской каюте...»

Цезарь дрожал от ужаса от приговора, который он написал в своем уме. Он попытался стряхнуть его, но это инородное тело, сделанное из материала, неизвестного этому миру, превратилось в мягкую кожу Лил и объемные волосы с прикосновением неизвестного человека. Это стала женщина, которая стонала и шепталась, смотрела глазами мужчины, который не был Сезаром. Тогда лицо Лил, наполненное пьяным удовольствием, было ясно видно.

Сезар не мог дышать. Все его тело нагревалось, как лезвие, удерживаемое в кипящем огне...

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2769448>